(17 и 18 марта (по старому стилю) 1916 года в Новониколаевске (Новосибирск) в здании коммерческого клуба (сегодня театр «Красный факел») прошли с огромным успехом вечера поэзии. Слушать Константина Бальмонта собралось семьсот человек! **К 150-летию со дня рождения поэта** публикуется его статья).

К МОЛОДЫМ ПОЭТАМ

Ко мне часто приходят гости, с которыми я не знаю, что делать. Юноша, молодой поэт, девушка, молодая поэтесса. Придут и спрашивают, есть ли у них талант и надо ли печатать то, что они пишут. Девушки обыкновенно скромны и застенчивы, и нередко у них есть проблеск дарования. Юноши обычно самолюбивы и развязны, и в девяти случаях из десяти они совершенно бездарны.

Мне хотелось бы, чтоб никогда меня никто не спрашивал, есть ли у него талант. На самом деле, ведь глупо спрашивать кого-либо другого, умен я или нет. Каждый это пусть сам знает про себя. Не более находчиво и спрашивать, есть у меня талант или нет. Творчество есть нечто глубоко интимное, внутреннее, личное. Кто полюбил, тот не будет спрашивать, любит ли он. Его собственное сердце настойчиво твердит ему:

«люблю». И поэт, когда он чувствует в себе творческий дар, сам отлично знает: «я – поэт». Если я полюбил, я смело пойду туда, куда меня зовет любовь, и если трудно достичь любимой, я не буду спрашивать у старших, как мне ее достичь.

Вопрос: – «печататься ли мне?» равносилен вопросу: «жениться ли мне? выходить ли замуж?». Опять-таки, кто полюбил воистину, не будет об этом робко спрашивать папу и маму, а с спокойной и глубокой твердостью заявит отцу и матери или нежно сообщит им, что совершилось великое таинство сердца, и никакая сила не должна и не может разлучать двух любящих любимых.

Затем, если предположить, что я могу в точности рассмотреть, есть ли дар в таком-то начинающем писателе, какой смысл в том или ином моем приговоре? Если я скажу: «есть, пишите», это будет лишь тавтология, ибо талантливым человек все равно не может выразить свой талант. Если я скажу: «нет таланта, не пишите», бездарный человек, чего-либо захотевший, еще упрямее, нежели человек талантливый, и, конечно, он меня не послушается и будет писать еще азартнее.

Но кроме того, как же я могу в точности рассмотреть, есть здесь талант или нет? Один начинает бледно, а из него выходит мастер исключительный: пример тому – Тургенев. Другой начинает блестяще, а из него ровно ничего не выходит; примеров тому неисчислимое множество так называемых гениальных детей и подростков, из которых образуются тщеславные тупицы с вывихнутым мозгом. И если талантливому юноше я ошибочно скажу: «таланта нет», я только причиню ему боль напрасную. И если я ошибкой скажу бездарному: «есть талант»,– я только поощрю безбожное посягательство на красоту божеского слова.

Это все – как в сказке: «направо пойдешь – чести лишишься, налево пойдешь – коня потеряешь, а прямо пойдешь и с тебя голову снимут». Нет, уж пусть лучше буду я сам знать

свою душу, свой талант, свое творчество, свою любовь. А другой в этом никто не указка.

Я могу, однако, высказывать общие мысли о том, что такое творчество вообще, и как творит и работает истинный поэт, как растет и расцветает веселящий душу цветок.

Поэт – стихия. Ему любо принимать разнообразнейшие лики, И в каждом лике он самотождественен. Он льнет любовно ко всему, и все входит в его душу, как солнце, влага и воздух входят в растение. Поэт – облако, птица, звенящая мошка. Поэт – море, ветер, цветок и звезда. Поэт – малое дитятко, влюбленный юноша, празднующий свою весну, задумавшийся о вечности старец, дервиш, объятый бешеной пляской, задымленный кузнец, ударяющий молотом. Поэт есть голос времени, он – послушное орудие мировых свершений, он росинка, которой радостно напоить подорожник, он свирель, без которой нельзя любить красиво, он боевая труба, под звуки которой весело идут на смерть.

Лик поэта разнообразен, многообразен до бесконечности. Но как ни много в лице поэта черт, в этом многообразии есть свои пробелы. Некоторых черт в поэте никогда не бывает. Так, поэт изменчив, он изменчивей морской волны и дрожащей паутинки, но никогда поэт не был изменником. Измена, изменничество, низость предательства несовместимы с достоинством поэта, и я не знаю в истории ни одного поэта, который бы предал свою родину. Может быть, если б темные ряды предателей знали это и были бы способны воспринимать касание поэзии, многих исторических низостей не совершилось бы.

И еще нет некоторых черт в лике поэта. Сколько свойств ни вмещает в себе поэт, он не вмещает в себе страха, и ему незнакома трусость. Пушкин и Лермонтов не боялись стать под пулю, когда им показалось, что так должно. И Шелли без

страха утонул в море. И лорд Байрон не боялся умереть на поле битвы, сражаясь за независимость Эллады.

Поэт открыт душою миру, а мир наш – солнечный, в нем вечно свершается праздник труда и творчества, каждый миг создается солнечная пряжа,– и кто открыт миру, тот, всматриваясь внимательно вокруг себя в бесчисленные жизни, в несчетные сочетания линий и красок, всегда будет иметь в своем распоряжении солнечные нити и сумеет соткать золотые и серебряные ковры.

Поэт – облако. Но да вспомнит, кто хочет это понять, как создается облако, сколько малых капель сочетаются в долгой работе своим воздушным дыханием, прежде чем мы увидим белое руно, которое посереет, и потемнеет, и отяжелеет, и раскинется чудовищем, чтоб затем заиграла алая молния и в музыке грома возникла серебряная пляска дождя.

Поэт – цветок. Но сколько подземных минут знают корни растения, прежде чем оно расцветет необманчивой алою чашей, и голубой звездой, и белым бокалом лилии. Лишь в таинстве молчания и долгой ощупи, лишь в глубинах почерпает растение силу сиять победным приветом вышине.

И если ветер есть воплощение стремленья, он долго скопляет свои легкие дыханья, чтоб возникнуть бурей. И если море есть голос вечности и самая освободительная стихия, это – оттого, что оно знает величайшие препятствия для своего движения, и вот вечно движутся потоки океана и преобразуют землю, а когда море трудится, кажется, что оно поет псалом или напевает колыбельную песенку.

Стих должен быть крепким. А для этого нужно скрутить себя. Уметь в весенний свой день сидеть над философской книгой, и английским словарем, и испанской грамматикой, когда так хочется кататься на лодке и, может быть, можно с кем-то целоваться. Уметь прочесть и 100, и 300, и 3000 книг,

среди которых много-много скучных. Полюбить не только радость, но и боль. Молча лелеять в себе не только счастье, но и вонзающуюся в сердце тоску. И в годину несчастия своей родины не убегать от них, а вбирать их в себя. Чтоб они через тебя кричали и пели. И вопреки несчетным скопищам, питающимся суесловием и трусостью, молча пойти на жестокие поля войны, где новые смогут расцвести цветы именно в новой, молодой душе, которая, пройдя через горнило пытки самоотвержения, и встретя новые, невиданные сочетания звуков, красок, положений, лиц, создаст новые поэтические сущности и откроет новые поэтические формы.

Долго ждать, долго молчать, но, заговорив, иметь, что сказать.